

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2)46

РУССКО-ОЙРАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1607–1608 гг.

Russian-Oirat Relations in 1607–1608

В. Т. Тенкеев (V. Terkeev)¹

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Senior Scientist of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: tvt@mail.ru

Статья посвящена начальному периоду истории русско-ойратских отношений в Юго-Западной Сибири, который во многом до сих пор остается малоизученным в историографии из-за недостатка источников. Согласно выводу автора, выход ойратских улусов к сибирским границам Московского государства стал прямым следствием стремления тайшей сохранить в безопасности свои владения в условиях продолжавшейся на тот момент войны с Алтын-ханом и казахами. Это обстоятельство наложило отпечаток на мирный характер русско-ойратских отношений, которые на начальном этапе в 1607–1608 гг. развивались через два главных пункта Московского государства в Сибири — Тару и Томск.

Ключевые слова: ойраты, калмыки, XVII век, Московское государство, Сибирь, кочевники.

The article deals with the initial period in the history of Russian-Oirat relations in South-Western Siberia, which still remains poorly explored in the historiography due to the lack of sources. The author made a conclusion, that the fact of the Oirats' presence on the Siberian border of Muscovy was caused by taishas' desire to preserve their possessions under condition of the ongoing war against Altyn-Khan and Kazakhs. This fact left its imprint on the peaceful Russian-Oirat relations which at the initial stage in 1607–1608 developed through two stations of Muscovy in Siberia — Tara and Tomsk.

Oirat taishas participated in the negotiation process not only for the establishment of new politic and economic relations with the Moscow throne, but also to achieve their military and strategic objectives. Such policies led to the integration process of Oirats into Muscovy's sphere of political influence.

Keywords: Oirats, Kalmyks, XVII century, Muscovy, Siberia, nomads.

Первые сведения о перемещении ойратских улусов к сибирским границам Московского государства связаны с военными действиями отрядов русских служилых людей против хана Кучума. В ходе преследования был разгромлен лагерь кучумлян в августе 1598 г. на левом берегу Оби. Из сообщения тарского воеводы Андрея Воейкова царю Борису Годунову известно, что в двух днях пути от разгромленного лагеря Кучума кочевали некие «калмыцкие улусы», которых «сбираетца, государь, калмаков воинских

людей пять тысяч» [Акты 1841: 4]. К сожалению, из этого сообщения не понятно, выступали ли ойраты военными союзниками Кучума, либо были безучастными свидетелями его окончательного разгрома.

В дальнейшем ойратские улусы, откочевавшие из Западной Монголии, стали постепенно располагаться в верховьях рек Иртыша, Ишима, по Камышлову, Оми и у Соленых озер. Это были малонаселенные и почти никем не обороняемые степные пространства Юго-Западной Сибири. И первым

из сибирских уездов Московского государства, подвергшимся наплыву новых кочевых соседей, стал Тарский.

В наказе тобольскому воеводе от 11 февраля 1601 г. московское правительство предписывало внимательно наблюдать за передвижениями ойратов. Но первый официальный контакт в русских документах зафиксирован только в сентябре 1606 г., когда в Таре появляется посланец торгутского тайши Хо-Урлюка — Катачей Бурундуев. Тайша просил разрешения кочевать по Камышлову, Ишиму и приезжать для торговли в Тару. Однако первые переговоры не увенчались успехом, а попытки воеводы Силы Ивановича Гагарина продолжить переговорный процесс закончились исчезновением его посланников во владении Хо-Урлюка [Материалы 1959: 28, 29].

В 1606 г. наплыв ойратов в Тарский и Тюменский уезды стал все более угрожающим, поэтому местный воевода С. Гагарин неоднократно сообщал в Tobольск о появлении в ясачных волостях «калмыцких людей»: «а чаёт от них войны». Понятно, что этот тревожный сигнал не мог остаться без ответа. В Тюмени воевода Матвей Годунов стал срочно формировать вооруженные отряды из различных категорий ратных людей, куда, например, входили литовцы, украинцы, казаки, юртовские татары и охотники из числа ясачных людей [Миллер 1937: 194, 195]. Но далеко не все сибирские воеводы выступали за ответные силовые действия в отношении ойратов. Например, тот же тарский воевода С. Гагарин пытался выяснить истинные намерения новых соседей. С этой целью в начале 1607 г. он направил к ойратам делегацию из ясачных татар во главе с князем Енобаем и Куготаем, которые должны были передать ойратским владельцам, «чтоб они были под нашею царскою высокою рукою, а для шерти и укрепления и для договору... приехали бы они, лутчие люди, на Тару сами» [Материалы 1959: 21].

В Москве поддержали мирную инициативу тарского воеводы. 30 марта 1607 г. из Приказа Казанского дворца, который в это время заведовал и «Сибирскими делами», была послана от имени Василия Ивановича Шуйского грамота воеводе Гагарину, в которой ему предписывалось отправить к ойратам посольство. Велено было говорить, «чтоб колмацкие князи и мурзы и всякие улусные люди были под нашею царскою рукою и шерть и утверждение и заклады дали,

что им быти вперед под нашею царскою высокою рукою неотступным, и нам ясак с себя платить по вся годы безпереводно... нашим ясачным людям тесноты не чинили и не побивали, а мы их (ойратов. — В. Т.) также велим беречи и от недругов оберегати» [Материалы 1959: 21]. По мнению К. Н. Максимова, Московское государство в отношении местных народов использовало гибкую мирную дипломатию, предлагая взаимовыгодные условия, свое покровительство, а калмыцкие тайши не отрицали установления верховного права российского царя по отношению к ним [Максимов 2002: 13].

Ойраты также пошли навстречу, и 16 (26) июня 1607 г. в Тару прибыл их представитель — тайша Кугонай Тубиев (Тубеев) в сопровождении 20 человек. В ходе расспроса тайши выяснилось, что на переговоры его направили дербетский Далай-Батур и торгутский Эзинея с напутствием «государю бить челом», «чтоб их пожаловати, воевати их не велети, и велети им быти под царскою высокою рукою, и кочевати на земле вверх по Иртышу к соленым озерам, а что с них, колмацких людей, имати годно коньми или верблюдами или коровами, и они де тем бьют челом». В указанной ойратской группировке насчитывалось 45 владельцев под предводительством 5 старших тайшей — «Баатыря Янышева» (Далай-Батура), «Ичиня Уртуева» (Эзинея), «Кугоная Турбева», «Ужена» и «Юриқты Конаевых». Общая численность их улусных людей составляла примерно 120 тыс. человек. Но Кугонай не шертовал за торгутских Хо-Урлюка и Кирсана, которые три года назад отошли от них и расположились с улусами вверх по Иртышу [Материалы 1959: 22].

Из воеводского донесения видно, что данная группировка (по всей видимости, дербетско-торгутская) кочевала отдельно от основной массы ойратов и на тот момент действовала самостоятельно по отношению к царскому правительству. По мнению С. К. Богоявленского, торгуты в это время также не представляли собой единого общества, будучи разделенными, по крайней мере, на две группы [Богоявленский 1939: 53]. Основываясь на данных родословных торгутских князей, можно с уверенностью говорить, что под *Изенеем* здесь подразумевается не кто иной, как Эзинея-тайджи, двоюродный дядя Хо-Урлюка. Эзинея-тайджи стоял во главе той группы

торгутов, от которой действовал обособленно Хо-Урлюк.

Из донесения видно, что ойраты готовы были доставлять русским коней и верблюдов, хотя воевода не упомянул слово «ясак». Но в грамоте Приказа Казанского дворца воеводам снова был употреблен этот термин. Отсюда, делает вывод Г. В. Вернадский, в дальнейшем происходили недоразумения, но ясак калмыки, конечно, так и не согласились платить, при этом охотно продавали русским лошадей [Вернадский 1966: 28]. Не только калмыки, но и русские были крайне заинтересованы в торговле, поскольку нуждались в средствах для освоения Сибири [Любимов 2008: 46, 47].

Вести о переговорах сибирских воевод с ойратами получили поддержку в Москве. Тарскому воеводе предписывалось командировать к тайшам послов с объявлением, что Московское государство берет их под свое покровительство, обещает защиту от казахов и ногаев, разрешает кочевать вверх по Иртышу и намеревается выплатить тайшам жалованье. Царская грамота воеводе также содержала очень важный пункт — о разрешении калмыкам свободно приезжать в Тару для ведения торговли. На первых порах Москва решила сосредоточить в своих руках дела по осуществлению связей с калмыками, не передоверяя их сибирским воеводам. Для окончательного оформления присяги на подданство настоятельно рекомендовалось приглашать тайшей непосредственно в столицу. Правительство, не удовлетворившись несколько пассивными действиями тарского воеводы по призыванию «под государеву высокую руку» Хо-Урлюка и «Кусургана-тайшу», поставило перед ним конкретную задачу — проявить инициативу и направить к указанным тайшам послов, чтобы призвать под «высокую государеву руку». В случае их возможного отказа воеводе не рекомендовалось применять военную силу, «покаместа большие калмыцкие тайши Изеней с товарищи в нашем жалованье укрепятца». Немаловажным оставался и вопрос о форме взимания будущего ясака с ойратов, а также выдачи жалованья тайшам и их приближенным лицам [Материалы 1959: 23].

Мирное предложение ойратов было поддержано в Таре, а Кугонай за свою посольскую миссию был вознагражден жалованьем. Обрато в улусы с ним были направлены литвин Болдан Бойкач, казак Иг-

нат Еманакон в сопровождении трех татар с заверением, что русская сторона в отношении ойратов не будет прибегать к военным мерам. Для материального стимулирования тайшей им были отправлены в качестве жалованья 5 портищ сукна. В знак подтверждения своих намерений тарские посланцы должны были взять у тайшей шерсть, чтобы «великому государю служить и прямить во всем правду» [Материалы 1959: 22, 24].

В начале октября посланцы вернулись в Тару в сопровождении новых ойратских послов: Баучина, Девлета Тахабакшеева, Арлая Алакова (Урлакова) и Кесенчака Чиганова — всего 8 человек. Все они представляли интересы 5 ойратских тайшей — Унгина, Батыря (Далай-Батура), Эзинея, Шевгея Урлюкова и Урухту. Судя по составу, это была крупная дербетско-торгутская группировка улусов, вышедшая к Сибири, тайши которой просили царские власти разрешить им кочевать в верховьях Иртыша, в районе Соленых озер и по Камышлову. Немаловажное значение имела также просьба ойратов о защите их от военной угрозы Алтын-хана и Казахской и Ногайской орд. Видимо, положение этих улусов на тот момент было настолько критическим, что тайши были не против взимания с них ясака в виде лошадей, верблюдов и скота [Материалы 1959: 24].

Пользуясь возможностью, с послами прибыли и 90 торговых людей, пригнавших в Тару на продажу 550 лошадей. Причем продавали они их за деньги или же обменивали на одежду и писчую бумагу. По большому счету, тем самым было положено начало русско-ойратских торговых отношений. Местные власти, понимая, что ойраты предполагают кочевать под «государевой рукой» по Иртышу, Оми и Камышлову и, чтобы «их сперва не ожесточить и от царские милости не отгонити», не стали с них взимать торговую пошлину. Послы получили заверение от местных царских властей в возможности кочевать их улусам в безопасности на территории московской Сибири «под царскою рукою навеки неотступным». Члены посольства и улусные люди были взяты на полное довольствие [Материалы 1959: 24, 25].

В Москве было принято решение, чтобы четырех ойратских послов с литвином Болданом Бойкачом прислали в столицу. Выяснилось, что тайши не шертовали перед приехавшим к ним Бойкачом, а ожидали

возвращения своих послов с официальным ответом от царского правительства и жалованьем. В знак своего расположения тайши отдали приказ выдать ясачным татарам всех их захваченных в прошлых годах женщин и детей без какого-либо выкупа [Материалы 1959: 25].

Отдельно от указанной группировки улусов кочевали со своими улусными людьми торгутский тайша Хо-Урлюк и Корсуган¹. Летом 1607 г. они кочевали в трех днях пути от Тары, на левом берегу Камышлова и до озера Колмак, где захватили рыбные ловли и охотничью добычу у местных ясачных татар. К Хо-Урлюку присоединился его зять Ишим, сын Кучума, который скрывался в улусе тестя после разгрома его и братьев тюменскими ратными людьми. Планы этих владельцев по отношению к Тарским и Тюменским волостям были не совсем дружелюбными, так как, по информации от тех же ясачных татар, они замыслили на осень и весну следующего года набеги на указанные территории [Материалы 1959: 25].

В ходе переговоров с ойратскими послами, главными из которых выступали Арлай и Баучин, тайши просили разрешения для них кочевать на государевой земле по реке Омь и получили официальное разрешение со стороны тарского воеводы С. Гагарина. Улусы Эзинея и Далай-Батура прикочевали на Омь и расположились в четырех днях пути от Тары. Поскольку для ойратов существовала серьезная военная опасность со стороны Алтын-хана, тайши просили власти построить на Оми острог для их защиты. Причем ойраты готовы были защищать его с русскими ратными людьми от неприятеля, в том числе и от Алтын-хана. На приемлемых условиях тайши готовы были также платить в казну ясак лошадьми и скотом, но не шкурками соболей и черных лисиц. Послы объясняли это тем, что «в их земле того зверя нет, а бьют они зверь, только что есть». Со своей стороны ойраты готовы были на подконтрольных им охотни-

¹ Этого тайшу многие исследователи считают одним из младших сыновей Хо-Урлюка — Кирсана. По мнению автора, это, возможно, ошибка, поскольку для 1607 г. этот сын был еще ребенком, чтобы фигурировать в документах как отдельный тайша. Однако идентифицировать его, как и многих других владельцев, фигурирующих в русских документах начала XVII в., по имеющимся ойратским родословным пока не представляется возможным.

чьих угодьях не трогать сибирских людей, подданных московского царя [Материалы 1959: 25, 26].

На переговорах не остался без внимания и вопрос об ойратских пленниках, захваченных два года назад русскими ратными людьми. Многие из них находились в Тобольске и Таре, у юртовских людей и служилых татар. Тайши через послов просили государя издать указ о выдаче им всех пленников [Материалы 1959: 26]. Стоит отметить, что отныне вопрос о выдаче пленников в русско-ойратских отношениях становился постоянным и одним из основных на протяжении всего XVII в.

Обратно с послами пятерым старшим тайшам в качестве жалованья местными властями были отправлены по одной темно-красной однорядке², камчатому кафтану и бархатной лисьей шапке. В дальнейшем власти планировали окончательно привести старших тайшей к шерти в самой Таре, а других на местах, Оми или Камышлове, где предполагалось построить городок, куда могли бы попеременно приезжать различного рода ойратские владельцы и шертовали бы за себя и улусных людей, где записывали бы их имена и выдавали жалованье. На Тару для безопасности было велено пропускать небольшое количество тайшей, в основном только старших. Размер будущего выдаваемого ясака должны были определить сами тайши, «лучших» из которых лично приглашали в московскую столицу, обеспечив полным довольствием и безопасностью в дороге. В случае возникновения с их стороны недоверия к поездке в столицу указывалось предоставить им «закладных людей» [Материалы 1959: 26, 27].

Тарский воевода, следуя наказам правительства, отправил послов в Москву. Это было первое ойратское посольство, посетившее столицу Московского государства. 7 (17) февраля Баучин, Девлет, Арлай и Кесенчак предварительно были приняты в посольской палате дьяком Василием Теплевым, который подробно расспросил их о цели приезда. 14 (24) февраля 1608 г. послы уже присутствовали на приеме у царя Василия Ивановича Шуйского. В сопровождении «воротынца» Афанасия Тургенева и толмачей они проследовали к государю через

² Верхняя широкая, долгополая до щиколоток одежда, без воротника, с длинными рукавами, под которыми делались прорехи для рук. Застигивалась встык и часто опоясывалась.

площадь по средней лестнице до красного крыльца. Дьяк Телепнев представил послов царю следующими словами: «Великий государь и великий князь Василей Иванович, всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель! Калматцкие орды больших князей Багатырь-тайша с товарищи послы Арлай с товарищи вашему царскому величеству челом ударили». После этих слов послы были пожалованы к руке государя, и они ему сообщили все то, что до этого рассказали дьяку Телепневу, который уже объявил официальный ответ царской стороны. После Василию Ивановичу представили привезенные подарки (поминки) от тайшей. В качестве жалованья послам дьяки возложили на них казенные платья, а позже государь «пожаловал послов, подавал им в ковшех мед» [Материалы 1959: 74].

Здесь обращает на себя внимание размер и перечень государева жалованья послам: «3 платна золотные, по 15 руб.; 3 однорядки багрецовые, по 4 руб.; 3 кафтаны камчатые, по 6 руб.; 3 шапки бархатные, по 2 руб.; 3 ковши серебряные, по пол 2 гривенки». Кроме того, кашевару были пожалованы однорядка в 2 рубля, кафтан в 40 алтын и шапка в полтину. В Москве были поражены простотой одежды калмыцких послов: «на них платьишко было худо» и «только на них шубенка, у государя быти им не в чем». Им были даже дополнительно выданы из Посольского приказа одежды: по однорядке за 2 рубля, кафтану по 40 алтын, суконной шапке и сапогам из телячьей кожи за 4 гривны [Материалы 1959: 75].

Это было первое ойратское посольство в Москве, а в течение всего XVII в. они уже были постоянными. На основе этих данных Г. В. Вернадский делает предположение, что тайши не возлагали больших надежд на это посольство и не придавали ему особого значения, а потому отправили в Москву не знатных, а «худых» людей [Вернадский 1966: 28]. Но по внешнему виду нельзя судить о знатности кочевников того периода, поскольку ойраты в тот период переживали весьма трудные времена, да и не обладали они тогда изысканным гардеробом, ограничившись в основном одеждой из грубых материалов.

Эзинею и Далай-Батуру было разрешено с улусами кочевать в сибирских пределах по Иртышу, Оми и Камышлову и обещана защита от неприятелей. При этом центральная власть подчеркивала обязатель-

ность приезда старших тайшей в Москву для переговоров. В качестве неперемного условия выдвигалось требование о выдаче калмыцких *аманатов* (заложников) — привычный для царского правительства способ держать в повиновении подданных, особенно на национальных окраинах. По мнению М. Ходарковского, если власти рассматривали подобную процедуру как знак безусловного и исключительного подчинения, то «иноверцы» — как неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве [Khodarkovsky 2002: 59]. Институт аманатов был заимствован русскими из ордынской политической практики [Трепавлов 2007: 140].

Хо-Урлюк и Корсуган также не остались без внимания царских властей. Им было указано отправить к указанным тайшам посланцами юртовских и служилых татар с наказом, «чтоб они были под царскою высокою рукою и шерть и утверженье и заклады в город на Тару дали». Правительство Василия Шуйского готово было предоставить и этим владельцам кочевать рядом с сибирскими городами царства и находиться под защитой их гарнизонов. Но в случае их отказа от предоставляемых русской стороной возможностей пребывания под «государевой рукою» и выплаты ясака указывалось взять под усиленную охрану ясачных татар в волостях и не допускать улусных людей этих тайшей к сибирским городам. В то же время в условиях начавшейся интеграции ойратов в зону внимания Московского государства местным властям запрещалось применять силовые действия против Хо-Урлюка и Корсугана, даже при их отказе подчиниться, «докуда большие колмацкие тайши Ичиней и Баатырь с товарищи в нашем жалованье укрепятца» [Материалы 1959: 27].

В районе Тарского острога предполагалось создание торгового пункта, куда ойраты могли бы пригонять на продажу лошадей или обменивать их на сукно или бумагу. В Москве были весьма заинтересованы в получении калмыцких лошадей в результате их покупки или обмена. В то же время не забывали и о безопасности Тары в условиях массового наплыва кочевников. Строго предписывалось впускать в острог ойратов только небольшими группами, по 5-6 человек, но без взимания каких-либо торговых пошлин, «чтоб им и вперед с

продажными лошадьми и со всякими товарами приходило было повадно» [Материалы 1959: 27, 28].

Место будущего острога на реке Омь или у соленых озер, как опорного пункта во взаимоотношениях с ойратами, должен был определить голова А. Поленов. С точки зрения безопасности, это место должно было находиться в весьма укрепленном районе с наличием строительного материала. В Москве очень внимательно следили за установлением русско-ойратских отношений и тарскому воеводе указывали полностью информировать об их состоянии и изменении [Материалы 1959: 28].

Помимо Тары, в переговорный процесс с ойратами включился и Томский город, когда в 20-х числах мая 1607 г. здесь не объявились послы от тайшей так называемых «черных калмыков» — Эзинея, Узенея — и Абака (главы «белых калмыков»). Эти владельцы просили царские власти взять их под защиту от казахов и Алтын-хана, предоставить рынок для торговли лошадьми и даже готовы были для этого встать «под царскою высокою рукою неотступным». Из Москвы поступили указания, во многом сходные с теми, которые были получены в Таре, и спустя полтора года, в середине октября 1608 г., к указанным тайшам были отправлены посланцами конные казаки Бажен Константинов, Иван Попов, Игнат Кудров и толмач Дружин Есырь. По дороге они должны были заехать к «белым калмыкам», которых власти рассматривали как посредников в предстоящих переговорах уже с «черными калмыками», т. е. ойратами. Но дальше кочевий «белых калмыков» томским посланцам так и не удалось выехать, так как там они узнали, что «черные калмыки» ушли на дальние кочевья, выступив в поход против Алтын-хана и Казахской орды. Часть «калмыков» откочевала от Эзинея и Узенея и представляла угрозу для посланцев. Последние так и не решились продолжить поездку и вернулись в Томск [Материалы 1959: 32, 33].

В то время как томские власти пытались установить отношения с ойратами, тарские жители и местные татары уже пользовались сложившейся возможностью завязать торговые отношения с близлежащими ойратскими улусами. Так, летом 1608 г. в ойратские улусы с русскими товарами ездила группа тарских жителей, вернувшаяся только в конце декабря того же года. С

ними прибыли и послы от Далай-Батура и Эзинея — Игтей и Катай. С их слов и стало известно о начавшихся военных действиях ойратов против Алтын-хана и казахов. Когда войско ойратов ушло на войну, их семьи и имущество были оставлены на прежнем кочевье, в 10 днях пути от Тары. Причем произведенный торговый обмен с ойратами был весьма выгоден для тарских жителей: за однорядки и другие вещи они получили меха, лошадей, скот и даже 10 душ ясыря — «арапов и муванцов». Заключенное с царским правительством соглашение позволяло теперь тайшам не опасаться за безопасность своих семей и имущества во время военных действий, и они не скрывали своих надежд на дальнейшее русско-ойратское сотрудничество и в будущем [Материалы 1959: 34].

Правительство Василия Шуйского с большим вниманием отнеслось к этой информации, и из Москвы немедленно вышел указ о категорическом запрете служилым людям нападать на ойратские улусы. Тайшам с их улусными людьми разрешалось кочевать на государевой земле «безо всякие боязни». Но при этом местным властям предписывалось привести лично тайшей к шерти, взять у них «заклады», т. е. аманатов, и собирать с них ясак лошадьми. Власти также были не против видеть тайшей лично в Москве, чтобы пожаловать их «великим жалованьем». В целом условия были те же, что и год назад. На начальном этапе становления русско-калмыцких отношений правительство было заинтересовано и в покупке калмыцкого скота и лошадей. Пунктами торговли с калмыками были определены Тара, Тобольск, Тюмень, Пермь, Уфа, Казань и Москва. Калмыцких торговых представителей, едущих с «конскими базарами» в русские города, предписывалось пропускать без задержек и обеспечивать подводами и провожатыми [Материалы 1959: 34, 35].

Узнав об активных переговорах тайшей с русскими властями, другие торгутские тайши, не входившие в дербетско-торгутскую группировку Далай-Батура и Эзинея, также включились в переговорный процесс. Все началось с поездки отряда служилых людей под командой ротмистра Воина Волконольского и атамана Василия Тюменца за солью на озеро Ямыш: за три дня пути до озера в урочище Белые Воды они случайно наехали на торгутские улусы Улче-

нея (Илю-Цензе, дяди Хо-Урлюка), Тогачи Тохтораева, Буярана Улчиева и Дубенея. В результате переговоров Улченей и Хо-Урлюк шертовали на том, «что им быти под царскою рукою неподвижным и служитьи и прямити, и войною под сибирские города не приходити и волостных ясачных татар не воевати» [Материалы 1959: 36].

По мере расспросов приехавших в июне 1608 г. в Тару их посланцев, Шапкулы Тату-гуева и Кургая Белгетеева, выяснилось, что группу этих пяти торгутских тайшей возглавляет Хо-Урлюк, а численность их улусов составляет всего 4 тыс. людей. В Москве благожелательно отнеслись к контакту тарских властей с этой группой владельцев и указали разрешить им кочевать на государевой земле, не подвергать какому-либо нападению со стороны служивых людей, обложить ясаком и, приведя к шерти, взять у тайшей аманатов [Материалы 1959: 37].

После поездки в Москву ойратские послы Арлай и Баучин вернулись в Тару, откуда воевода И. В. Мосальский в начале сентября 1608 г. отправил их в улусы в сопровождении Оники Чернова и 6 сопровождающих лиц. Тарские посланцы должны были передать тайшам примерно те же условия, что и до этого определили ойратским послам: официальное разрешение кочевать по государевой земле на Иртыше, Камышлове и Оми; безопасность и защита от неприятелей со стороны государевых людей; выплата ясака лошадьми и скотом, а также предоставление рынка под Тарой для их продажи; приглашение владельцев для «шертования» и выдачи аманатов. В середине декабря Чернов вернулся в Тару вместе с новыми ойратскими посланцами. Среди них присутствовал уже приезжавший ранее в Тару и ездивший в Москву татарин Арлай Урлаков (Алаков), представлявший интересы тайши Узиня. Дербетского Далай-Батура представлял уже Буя Буланов, а торгутского Хо-Урлюка — Горзя Манибеев [Материалы 1959: 37, 38].

В улусах Онику Чернова встретили довольно приветливо, и, по его словам, Эджиней и Далай-Батур «нашему де жалованью они ради и под нашею де рукою бытии хотят». Тайши объяснили свое отсутствие в Таре осенью этого года с целью «шертования» участием в походе против Алтынхана и выпавшим глубоким снегом, не позволившим пригнать на продажу лошадей и скот. Только на весну следующего года

они планировали дать шерть и для этого ждали приезда в район реки Омь и соляных озер Алексея Поленова с жалованьем. Приезжать лично в Тару ойратские владельцы отказались. По вопросу выдачи ясака послы объяснили, что «ясаку де они преж сего никому не даывали». В целом тайши отказались платить не только ясак, но и выдать аманатов [Материалы 1959: 38].

Таким образом, выход ойратских улусов к сибирским границам Московского государства стал прямым следствием стремления тайшей сохранить в безопасности свои владения в условиях продолжавшейся на тот момент войны с хотогойтским Алтын-ханом и казаками. Это обстоятельство наложило отпечаток на мирный характер русско-ойратских отношений, которые на начальном этапе, в 1607–1608 гг., развивались через два главных пункта Московского государства в Сибири — Тару и Томск. Начавшийся переговорный процесс, в рамках которого и произошла первая в истории поездка ойратских послов в Москву, тайши использовали не только для установления политических и экономических отношений с царскими властями, но и в военно-стратегических целях. В условиях неудачного хода войны с неприятелями, когда происходит отступление части ойратов к русским границам, проводится перегруппировка их военных сил и контрнаступление ойратских войск против сил Алтын-хана в 1608 г. Поэтому тайши, главной задачей которых было всячески выиграть время в переговорах с царскими властями, через своих послов использовали вопросы принятия подданства и взимания ясака в политических целях. Как видим, такая политика себя оправдала только на короткий промежуток времени, но в дальнейшем это запустило процесс постепенной интеграции ойратов в орбиту политического влияния Московского государства.

Литература

- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. II-го Отд-ния Собствен. Е. И. В. Канцелярии, 1841. Т. 2: 1598–1613. 482 с.
- Богоявленский С. К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1939. № 5. С. 48–102.
- Вернадский Г. В.* Историческая основа русско-калмыцких отношений // Калмыцко-ойратский сборник / под ред. А. Э. Борманжино-

- ва, И. Крюгера. Филадельфия, 1966. С. 11–41. 227 с.
- Любимов Ю. В.* Миграция западных ойратов в Поволжье и русско-калмыцкие отношения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. М., 2008. С. 46–47.
- Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636: Сб. документов / сост. Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 552 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 662 с.
- Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.
- Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ythaka, N. Y., 1992. 280 p.